

межрегиональные творческие встречи, однако безусловным положительным итогом конкурса стало издание шести поэтических сборников его участников. Большие подборки материалов были опубликованы в двух номерах журнала «Огни Зауралья» за 2021 год. Этот конкурс подтвердил, что поэтический мир Блока, его эмоции и переживания остаются притягательными для человека, живущего проблемами XXI века.

Доклады сопровождалась дискуссиями, порой острыми, креативными репликами и дополнениями, что способствовало созданию настоящего творческой рабочей атмосферы. Все заседания транслировались на YouTube-канале Пушкинского Дома и Музея-квартиры А. А. Блока и доступны для просмотра.

© Н. Ю. Грыкалова

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-2-265-268

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «М. А. ЗЕНКЕВИЧ (1886–1973): ЛИЧНОСТЬ, ТВОРЧЕСТВО, ЭПОХА»

16 и 17 сентября 2021 года в Пушкинском Доме прошла первая конференция, посвященная личности и творчеству М. А. Зенкевича и приуроченная к 135-летию со дня его рождения. Выбор ИРЛИ РАН в качестве научной площадки неслучаен: с Петербургом связан акмеистический период творчества автора «Дикой порфиры». Кроме того, в 1970-е годы Александра Николаевна Зенкевич, вдова писателя, передала в Рукописный отдел Пушкинского Дома значительную часть его личного архива. Таким образом, в настоящее время ИРЛИ РАН становится одним из центров по изучению творчества Зенкевича. Необходимо подчеркнуть, что конференция была организована и проведена при тесном и деятельном участии С. Е. Зенкевича, внука писателя, исследователя и публикатора его наследия.

Ввиду остающейся достаточно напряженной обстановки, вызванной пандемией новой коронавирусной инфекции, конференция прошла в смешанном формате, и ряд участников выступали в онлайн-режиме, который был успешно реализован благодаря активной технической поддержке администратора вычислительной сети ИРЛИ РАН И. Е. Сочнева. Видеозаписи заседаний конференции доступны на YouTube-канале Пушкинского Дома.

Конференция была открыта приветственным словом С. Е. Зенкевича и презентацией выставки «Жизнь не бывает никогда мертва...». Выставка была подготовлена совместными усилиями главного хранителя Рукописного отдела ИРЛИ РАН И. В. Коциенко и С. Е. Зенкевича, представившего ряд материалов из личного архива.

На экспозиции участники и гости конференции могли увидеть вещи писателя, представляющие разные периоды его творческой биографии: знаменитое пенсне в футляре, экземпляры книг Зенкевича «Сквозь грозы лет» (М., 1962) и «Поэты XX века: Стихи зарубежных поэтов в переводе Мих. Зенкевича» (М.,

1965) с дарственными надписями Л. А. Озерову, соответственно, от 12 мая 1963 года и 16 декабря 1964 года; редкие издания: № 4 за 1925 год вологодского журнала «Северное эхо» с публикацией стихотворения «Памяти троих»; иконографические документы: портреты писателя и его родных (фотопортреты отца — Александра Осиповича Зенкевича и жены — Александры Николаевны); групповые фотографии, на которых Зенкевич изображен в кругу друзей и современников, в том числе фотопортрет 1922 года с саратовскими писателями Львом Гумилевским, Алексеем Скалдиным, Сергеем Антимоновым, а также фотопортрет, датированный 12 октября 1960 года, с поэтом Львом Адольфовичем Озеровым и переводчиком Агеєм (Александром Григорьевичем) Гатовым.

Основой экспозиции стали впервые демонстрирующиеся малоизвестные и до сих пор не введенные в научный оборот автографы Зенкевича: стихи, черновые подготовительные материалы к роману «Мужичкий сфинкс». Включена в экспозицию и некоторая часть эпистолярного наследия Зенкевича: письма писателя к П. Н. Лукницкому 1929–1930 годов, письмо Арго (А. М. Гольдберга) от 6 ноября 1958 года, письмо Г. Н. Петникова от 31 декабря 1959 года, письмо М. А. Шехтера от 6 апреля 1963 года, поздравительное письмо Н. И. Глазкова 1964 года и др.

Материалы выставки осветили разные этапы творческого пути Зенкевича, которые в настоящее время изучены весьма неоднородно. На экспозиции были размещены отклики на выход в свет первой книги Зенкевича «Дикая порфира» (1912): письмо соратника по «Цеху поэтов» Л. В. Лебедева от 7 апреля 1912 года, письма дяди Зенкевича Антона Ивановича Нещеретова, который сыграл значимую роль в судьбе начинающего поэта.

Саратовский период биографии Зенкевича был представлен автографом доклада

«О новом стихе» (1921–1922), прочитанного в «Литературной мастерской».

Значительная часть экспозиционного пространства освещала участие Зенкевича в писательских организациях советского периода: был экспонирован членский билет № 100 Всероссийского Союза Писателей, датированный 31 мая 1923 года, Благодарственное письмо от Секретариата правления Союза писателей СССР от 10 июня 1963 года за подписью К. Федина и Приглашительный билет № 1124 в Большой Кремлевский дворец на открытие Второго съезда писателей РСФСР от 3 марта 1964 года.

Особое место на выставке заняли материалы, связанные с послевоенным периодом творчества Зенкевича, к этому времени уже признанного и в России, и за рубежом писателя, поэта, переводчика. В частности, были представлены: письмо от 16 февраля 1961 года от Д. Вигорелли о принятии Зенкевича в ряды европейского сообщества писателей, книга Роберта Фроста «Complete poems» с дарительной надписью, датированной 31 августа 1962 года, юбилейное поздравление от 20 мая 1966 года «к 75-летию» Зенкевича от членов Московского отделения союза писателей за подписями Л. Гинзбург, Я. Смелякова, М. Шагинян, В. Шкловского, С. Кирсанова, Ник. Чуковского, Б. Слуцкого и многих др.

Изюминкой выставки стал «Альбом с серебряным обрезом» — рукописное собрание стихотворений поэта 1929–1971 годов.

Материалы выставки — свидетельства широкого диапазона творческих связей Зенкевича, по-новому освещающие его роль и место в литературном процессе XX века. Следует отметить, что данная экспозиция стала первым результатом осуществляющегося в настоящий момент в ИРЛИ РАН систематического описания личного архива Зенкевича.

Научная программа конференции состояла из нескольких заседаний и началась с выступления М. И. Синельникова (Москва), младшего современника писателя, поэта, считающего себя его учеником. В сообщении «Уроки Зенкевича» им было передано живое впечатление от общения с писателем и поэтических уроков, воспринятых докладчиком.

Далее последовал цикл докладов, главным объектом внимания которых стала «Дикая порфира». Доклад Майкла Левери (США) «„Дикая порфира“ Михаила Зенкевича как цикл длиною в книгу» был посвящен рассмотрению первой поэтической книги Зенкевича в контексте таких крупных жанровых форм, как «поэтический цикл» и «поэтическая книга», разработанных, как известно, еще русскими символистами. По мнению докладчика, Зенкевич, внешне обращаясь к данным формам и структурам, внутренне перестраивает их: «использует типичный для символистов прием в отчетливо антисимволистских целях». По мнению докладчика, формирование Зенкевичем поэтического цикла отражает сущность космогонии «Дикой порфиры»: как

мощный дух природы сокрушает и подчиняет все своей воле, так и процессы циклизации «Дикой порфиры» разрушают узнаваемую поэтическую традицию (Баратынский, Бодлер, Брюсов, Леконт де Лиль) и создают новую поэтическую гармонию.

В своем докладе «Космогонические и эсхатологические мотивы в лирике Зенкевича в контексте акмеистической онтологии» Л. Г. Кихней (Москва) доказала, что в ранней книге «Дикая порфира» построение картины мира подчиняется имагинативной логике космогонического мифа, которая, собственно, и становится соединительным звеном между поэтикой и миропониманием, латентно спроецированным как на христианскую модель сознания (с импликацией в ряде случаев дохристианских верований), так и на новейшие бергсонские и феноменологические идеи. В эсхатологической концепции Зенкевича ситуации революции и гражданской войны (в сборниках «Под мясной багрянницей» и «Пашня танков») интерпретируются в мифологическом ключе как возврат к некоей «хтонической» первоматерии, хаосу, пройдя через жерло которого человек возродится в новом качестве. Докладчица высказала мысль, что те же тенденции характерны и для онтопоэтики других акмеистов.

А. А. Кобринский (Санкт-Петербург) в докладе «Филология и палеонтология: о стихотворении М. Зенкевича „Махайродусы“» обратился к вопросу об источниках одного из центральных стихотворений «Дикой порфиры». Параллельно рассмотрев поэтический текст и ряд энциклопедических и научных изданий, он убедительно продемонстрировал, что махайродусы из стихотворения Зенкевича, казавшиеся современникам сугубой поэтической фантазией автора, имеют под собой прочное научное основание.

Интерес раннего Зенкевича к древним культурам был раскрыт в докладе А. А. Чевтаева (Санкт-Петербург), посвященном «Вавилону и „вавилонскому“ коду в „Дикой порфире“», в котором он доказал, что одним из важных культурных кодов адамизма в структуре «Дикой порфиры» предстает «вавилонская» семантика мифопоэтики, актуализирующая образ Вавилона и эксплицированная в стихотворениях «Вавилон», «Навуходоносор» и «Человек»; в них древнее царство и его властитель маркируют онтологический конфликт между плотью и духом. Зенкевич изображает Вавилон как сакральный локус грехопадения и утраты райской гармонии, призванный посредством освоения и усвоения телесности во всей ее «темной» хаотичности преобразить человеческий дух. Ориентируясь на ветхозаветные контексты и сопрягая их с абсолютизацией материи как прарасноуниверсума, Зенкевич использует «вавилонский» код смыслообразования в качестве одного из магистральных способов построения окказионального адамистического мифа о сущности бытия.

В докладе «О метрическом и строфическом репертуаре Михаила Зенкевича» Ю. Б. Орлицкий (Москва) сделал обзор стиховой культуры Зенкевича, от сонета до верлибра, с опорой как на печатные источники, так и на неопубликованные материалы из архива поэта. Особое внимание докладчика было уделено радикальным формам тоники 1920-х — начала 1930-х годов, до сих пор не становившимся объектами научной рефлексии. Отдельно был рассмотрен и ряд переводов Зенкевича.

Второе заседание конференции было открыто докладом И. В. Пыркова (Саратов) «От „Паши танков“ до „Литературной мастерской“». Саратовский период в творчестве Михаила Зенкевича. Докладчик напомнил слушателям об основных гранях писательского творчества в саратовский период (1918–1923). Он подчеркнул, что в силу созидательной насыщенности, разноплановости и в то же время очевидной малоизученности оно может стать отправной точкой для принципиально нового понимания роли поэта в истории русской литературы, реинтерпретации его ключевых произведений и послужить серьезным поводом для поисковых усилий, направленных на разыскание и публикацию неизвестных (или забытых, до сих пор в силу тех или иных обстоятельств «не учтенных») текстов выдающегося мастера.

В докладе Д. О. Ступникова (Москва) «Концепт „белого света“ в лирике Михаила Зенкевича» был представлен один из вариантов трактовки мотива одухотворенного мира Божьего, в лирике поэта переданного характерным для народно-поэтической традиции понятием «белый свет». Уже в дореволюционных и пореволюционных стихотворениях Зенкевича можно уловить мотив одухотворения видимой реальности, в частности в тех, где перекодировке подвергаются некоторые православные праздники, при помощи которых объясняются социально-политические потрясения того времени («Крещенское купание», «Водосвятье Распутина» и др.). Поздний Зенкевич приходит к пониманию «вселенскости» понятия белого света, определяющего продуктивное отношение человека к жизни и смерти, приобщающего его к вечности («Сколько стариков, старух...», «Две — неразлучницы...» и др.).

Доклад А. В. Ламзиной (Москва) «Особенности „рамочного текста“ в сборниках М. Зенкевича 1910-х — начала 1920-х годов» был обращен к рассмотрению заголовочного комплекса сборников «Дикая порфира», «Под мясной багрянницей» и «Пашня танков». Семантическому анализу были подвергнуты как названия указанных поэтических книг, так и подзаголовки и эпиграфы книг, понятые как символические свертки смысла произведений.

В. В. Аристов (Москва) посвятил свой доклад «Перевод „Ворона“ Михаилом Зенкевичем и поэтическая тема прощания с друзьями» известному переводу стихотворения Э. По. Автор сообщения поставил задачу прояснить

в хорошо знакомых и «нерушимых» строках перевода Зенкевича скрытые смыслы и послания. Подобно Н. А. Заболоцкому, ценившему дружеские отношения с поэтами-обэриутами, Зенкевич придавал большое значение дружбе с поэтами-акмеистами. Оба поэта утратили друзей при трагических обстоятельствах. Однако в отличие от Заболоцкого у Зенкевича отсутствует стихотворение «Прощание с друзьями». Но в различных его произведениях и особенно в переводе «Ворона» присутствует обращение к друзьям-акмеистам с трагической судьбой: Николаю Гумилеву, Владимиру Нарбуту, Осипу Мандельштаму. В докладе говорилось о различных ассоциациях, возникающих в ходе комментированного прочтения перевода «Ворона» и связанных прежде всего с Мандельштамом.

Рассмотрению одной из многосоставных метапоэтических тем в творчестве Зенкевича был посвящен доклад Н. А. Рогачевой (Тюмень) «Прощание с Серебряным веком в поэзии Михаила Зенкевича 1920–1930-х годов». Расставание с эпохой, выход за границы своего времени — устойчивый мотив в русской лирике 1920–1930-х годов (А. Ахматовой, О. Мандельштама, Б. Пастернака и др.). В творчестве Зенкевича данная тематическая группа стихотворений имеет несколько относительно самостоятельных «сюжетов»: 1) расставание с поэзией («Отходная из стихов»); 2) создание мартиролога поэтов, который включает мотивы самоубийства (тема инспирирована смертью С. Есенина, В. Маяковского), ГУЛАГа (В. Нарбут и О. Мандельштам) и др.; 3) проекция современности на пушкинскую эпоху (история декабризма); и др. Существенным аспектом темы служит расширение цитатного слоя в лирике 1920–1930-х годов (от Е. Баратынского, Н. Языкова до И. Анненского, Н. Гумилева, О. Мандельштама, В. Хлебникова и др.).

Третье заседание открыл К. М. Поливанов (Москва) докладом «Смерть поэта в „Мужиком сфинксе“ М. Зенкевича и „Докторе Живаго“ Б. Пастернака». Прежде всего он обратил внимание на творческие и биографические точки соприкосновения между Пастернаком и Зенкевичем. В этом контексте далее он развернул тезисы о различии двух романов. В частности, он подчеркнул, что у Зенкевича действующие лица и исторические, и вымышленные; у Пастернака — главные герои вымышлены, а исторические идут только фоном. Одним из важных сходных сюжетно-композиционных элементов романов двух писателей является то, что главные герои попадают в политический лагерь, в который они не хотят попасть (у Пастернака — в отряд белых, у Зенкевича — в лагерь заговорщиков). Подводя итоги, докладчик сделал вывод о том, что пастернаковский роман разворачивается на нескольких реминисценциях Блока, а «Мужикский сфинкс» — на многочисленных отсылках к «Заблудившемуся трамваю» Н. Гумилева.

Сообщение О. А. Лекманова (Москва) «М. Зенкевич и другие о гибели Николая II» было обращено к обзору темы расстрела императорской семьи, отраженной в литературе 1918–1920-х годов (А. Гайдар, В. Маяковский, Б. Поплавский, К. Тюляпин, П. Антокольский, М. Волошин, М. Шкапская и др.). В этом контексте было рассмотрено стихотворение Зенкевича «Царская ставка» и раскрыты особенности воплощения темы гибели Николая II.

В докладе Т. В. Игошевой (Санкт-Петербург) «О взаимодействии изобразительного искусства и литературы в романе М. А. Зенкевича „Мужицкий сфинкс“» были представлены примеры экфрасисов — образцов репрезентации авторских идей Зенкевича.

Б. А. Минц (Саратов) сделала доклад на тему «К проблеме поэтического диалога М. Зенкевича и О. Мандельштама», посвященный взаимным переключкам в творчестве двух поэтов. По наблюдениям автора доклада, Зенкевич оглядывался на раннего Мандельштама (например, вариация образа души-дельфина в стихотворении «В безвременьи времени...»), а образы самого Зенкевича отзывались в поздней лирике Мандельштама (череп-чаша как часть единого комплекса «тела-космоса»; образы инволюции). Имели место и синхронные точечные переключки в ранней лирике Зенкевича и Мандельштама (мотивы «темной звериной души», камня и др.). В контексте эсхатологической темы, включающей в свой состав и идею родства материи и духа, получают общее основание мотивные переключки в пореволюционной поэзии Зенкевича и Мандельштама, восходящие к комплексу «пиры смерти». В докладе было подчеркнuto, что Зенкевичу принадлежит первенство в определении естественно-исторического вектора развития темы, нашедшего затем выражение в поздней лирике Гумилева и Мандельштама. Кроме того, было сделано предположение о перекрестном влиянии, актуализации сходных линий в корневой системе акмеизма и, наконец, ключевой роли Зенкевича в инициации, обострении и масштабировании темы «дух и плоть».

Итоговое заседание конференции открыл Ю. А. Изумрудов (Нижний Новгород) докладом «Борис Садовской — рецензент поэтических книг акмеистов». Далее следовал доклад Б. Ф. Кольмагина (Москва) «Правда жизни и литературы». В центре внимания докладчика оказалось стихотворение Зенкевича «У двух проталин». Эти стихи — поэтическое событие, которое говорит о том, что литература и религия могут дополнять друг друга. Молчащий Бог в интерпретации автора превращается в *ничто*. И хождение вокруг пустоты становится трудным, но важным внутренним заданием.

Автор доклада подчеркнул, что в годы всеобщего озлобления поэт поднимал проблему человека. Антропология Зенкевича была неотделима от его поэтики, поскольку он искал новое поэтическое слово, новые области, где работает уже не эстетика, а аффект.

Д. М. Давыдов (Москва) в докладе «Поэзия Михаила Зенкевича в свете спекулятивного реализма и постгуманизма» рассматривал лирику автора «Дикой порфиры» с точки зрения трансперсональной психологии и философии.

Сообщение Александра Ницберга (Австрия) «Об одном источнике „Поэмы без Героя“ А. Ахматовой» было посвящено параллельному рассмотрению произведения Ахматовой и романа М. Зенкевича «Мужицкий сфинкс». Предположение о том, что одним из источников образности для Ахматовой стал роман Зенкевича, основано на факте, что автор «Поэмы без Героя» была знакома с ненапечатанным романом, а в качестве аргумента, подтверждающего главный тезис сообщения, докладчик привел ряд переключек между двумя текстами (например, явление покойных современников главному герою романа Зенкевича и героине «Поэмы без Героя» Ахматовой).

Мысль о том, что лирика Зенкевича развивается между двумя полюсами: «солнечным Эросом» и «темным миром Танатоса», была выражена в докладе Думитру Балана (Румыния) «Эрос и Танатос в поэзии Михаила Зенкевича». Между тем у Зенкевича над Эросом и Танатосом всегда торжествует духовность, исходящая в основном из христианской религии, а душа является надежным звеном, связывающим светлого, радующего глаз и мысли Эроса с бездной неведомого, но уже не такого страшного Танатоса.

О. В. Шиндина (Саратов) в докладе «Утопический дискурс в творчестве М. Зенкевича» сосредоточила свое внимание на большом произведении, написанном в саратовский период, — «Альтиметр. Трагорельеф в прозостихе» (1919–1921). Рассмотрение этого произведения проведено сквозь призму утопических по своему характеру идей новой организации мира (пространственно-временного континуума) и нового человека.

В завершающем конференцию докладе «Зенкевич после Зенкевича: круглые числа, новые смыслы» С. Е. Зенкевич (Москва) сделал поэтапный обзор посмертных публикаций наследия Зенкевича, а также основных направлений исследования жизни и творчества писателя.

© Т. В. Игошева,
© Г. В. Петрова